

Лев Толстой и Ислам

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Лев Толстой и Ислам ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ИСЛАМ

Многие мусульмане утверждают, что Лев Толстой был мусульманином. Эта утверждение обычно сопровождается фразой «Конечной инстанцией любого разумного человека является Ислам», авторство которой, по заверениям мусульман, принадлежит Толстому. Однако нет оснований полагать ни то, что он был мусульманином, ни то, что он когда-либо произносил эту фразу (источник так ни разу и не был приведен). Представляем вашему вниманию статью о Льве Толстом и о его связях с Исламом. Статья написана мусульманином.

В наши дни бытуют две крайности: на многих исламских сайтах цитируют фразу великого русского писателя «прошу считать меня магометанином» и причисляют его к правоверным, а на сайтах литературных и музейных... вообще об этом не упоминают, будто Толстой Ислама не замечал! Молчат об этом и школьно-институтские учебники. В центре внимания – его попытки постичь личность и учение Иисуса Христа (мир ему!), переложить Евангелие для современников. Все знают, что в 1901 году его отлучили от православной церкви. Также никто не скрывает, что возникшее еще при его жизни всероссийское движение «толстовства», почти разгромленное в годы советского атеизма, ныне возрождается и относится религиоведами к одной из форм протестантизма. Так можно ли Толстого отнести к мусульманам или нет? Каков был окончательный духовный выбор гения русской и всемирной литературы? Давайте разбираться. Во-первых, уточним, были ли у Толстого жизненные пересечения с мусульманами и что он знал об Исламе. Оказывается, личных контактов и знаний у него было, пожалуй, больше, чем у любого иного классика русской литературы. Когда ему было 13 лет, семья переехала в Казань, где ранее его дед Илья Андреевич был губернатором с 1815 по 1820 года, и где, кстати, поныне сохранилась его могила на Кизическом некрополе. В 1844 Толстой поступил в

Казанский университет на отделение восточных языков философского факультета (затем, правда, перевелся на юридический факультет, где проучился неполных два года). Пусть недолго, но он учил арабский и тюркские языки под руководством крупного ученого Мирзы Казимбека (1802–1870) – одного из основателей российского востоковедения. В 1851 старший брат Николай уговорил его ехать вместе на Кавказ, где почти 3 года Толстой жил в казачьей станице на берегу Терека, выезжая в Кизляр, Тифлис, Владикавказ и участвуя в военных действиях (сначала добровольно, потом на службе). Не только величественная природа, знания о быте и нравах воюющих сторон, но и постижение характеров, сформированных Исламом, воплотились и в автобиографической повести «Казачьи рассказы», рассказах «Набег», «Рубка леса», а также в поздней повести «Хаджи-Мурат». Вернувшись в Россию, записал в дневнике, что полюбил этот «край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода». До конца дней он пронес память о друзьях-кунаках из кавказцев: так, однажды, молодой граф проигрался в карты, и ему грозила долговая яма – но его спас чеченец Садо Мисербиев, полностью отыгравший его проигрыш. Через всю жизнь пронес он и впечатления об учении суфийского шейха Кунта-хаджи Кишиева, призывавшего к примирению и ненасилию.

Знаменитые «Севастопольские рассказы» написаны в Крымскую войну, где в осажденном Севастополе Толстой командовал артиллерийской батареей, проявив редкую личную храбрость, за что был награжден орденом Анны и медалями. В Крыму он познал не только героизм и трагизм войны, но и нравы крымских татар, коренного исламского населения края. Более того, часть важнейших замыслов, появившихся в те годы, позволяют угадывать в молодом офицере позднего Толстого-проповедника: он мечтал об «основании новой религии» – очищенной и практической религии Христа.

Позднее он вел переписку с муфтием Египта Мухаммадом Абдо, известным реформатором Ислама, переписывался и лично общался со многими татарами, как сторонниками традиционного мусульманства, так и обновителями. Одним словом, Толстой, не

имея исламского образования и не будучи алимом-ученым, обладал знаниями и опытом сопереживания, уникальными для человека высшего света тогдашней европоцентричной России.

Как известно, честные духовные поиски привели его к переосмыслению значения церкви:

«Мир делал все что хотел, предоставляя церкви, как она умеет, поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни. Мир учреждал свою, во всем противную учению Христа жизнь, а церковь придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним. И кончилось тем, что мир стал жить жизнью, которая стала хуже языческой жизни, и церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но утверждать, что в этом-то состоит учение Христа» — писал Толстой в Ясной Поляне в марте 1909. В итоге из-под его пера вышло немало ярко обличительных статей о церкви, изменившей Иисусу (они до сих пор являются классикой русского протестантизма). И, естественно, за этим последовало его официальное «отлучение от церкви» (по-гречески «анафема»), которая была провозглашена в храмах России. Это было потрясение для всей страны. С замиранием духа — кто с отвращением, кто с надеждой — россияне следили за тем, что же позитивного обретет этот великий писатель-мыслитель. А он трудился над новым переводом, точнее говоря, над собственным переложением Евангелий, издал книгу «В чем моя вера?», множество статей о вере и трезвом образе жизни, вел активную переписку со многими богоискателями, причем не только в России, но и за рубежом. В дни мучительных поисков, окруженный непониманием, он писал в одном из писем: «Я бы очень рад был, если бы вы были бы одной веры со мной. Вы вникните немножко в мою жизнь. Всякие успехи жизни — богатства, почестей, славы — всего этого у меня нет. Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и эстеты — считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры и радикалы — считают меня мистиком, болтуном: правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. Признаюсь, что это тяжело мне... И потому, пожалуйста, смотрите на меня, как на доброго

магометанина, тогда все будет прекрасно».

Вот из этих слов, казалось бы, можно сделать вывод – но не все так однозначно...Во-первых, писатель не принял Ислам открыто и ясно, не имел мусульманской практики. Нельзя забывать, что одновременно с поиском правды об Иисусе, признанием себя «добрым магометанином», он в не меньшей степени был восхищен Буддой и Конфуцием. И вел интенсивную переписку с ревнителями разных духовных традиций, к примеру, с Махатмой Ганди, включал их тексты в знаменитый рекомендательный список чтения на каждый день. Наконец, бросив дом в последние дни жизни, он отправился сначала к сестре Марии, инокине Шамординского монастыря, а затем к старцам Оптиной пустыни. Православные историки пытаются на основании этого порыва, этих бесед, а также того, что для примирения с церковью из Оптиной вслед за ним был отправлен старец Варсонофий, сделать вывод, что Толстой готов был раскаяться и вернуться в лоно церкви. Одни говорят, что его нужно простить и вернуть ортодоксальному христианству, другие строго указывают, что для того нет оснований и Толстой ушел из жизни, оставшись непримиримым. На сайте московского музея Толстого можно прочитать, что ныне учение Толстого вовсе не отталкивает, но наоборот, помогает прийти к церкви – это уж полный абсурд и, увы, яркая примета нашего времени, жаждущего примирить «красное и белое». Вот как это было. 6 (19) ноября 1910 Толстой произнес последние слова, обращенные к собравшимся у его постели близким: «...Пропать народу, кроме Льва Толстого, а вы смотрите на одного Льва... Мужики так не умирают...»

И уже в полузабытьи: «Люблю истину...»

Потрясающая сцена и удивительные слова! Не стоит уподобляться тем, кто неблагоговейно относится к тайне веры, к тайне личности и перехода в мир иной великого мыслителя и писателя. Скажем прямо: Аллаху алим – это ведомо лишь Всевышнему! И не будем искать определенного ответа на вопрос – с каким вероубеждением пересек Лев Николаевич последнюю черту. Единственно, что можно сказать с определенностью: он многое понимал и ценил в Исламе, знал правоверных разных национальностей, дружил и переписывался с ними. И оставил нам

как высоко художественные образы мусульман, особенно кавказцев, так и не всегда бесспорные, но глубокие и волнующие мысли об Исламе. Вдохновленное им массовое религиозное движение «толстовцев» не двигалось в сторону Ислама. Будучи во многих чертах быта и веры близкими мусульманам, толстовцы развивались и остаются в русле христианства. И все же есть у Толстого такие «исламские страницы», острота и ценность которых не утрачены по сей день. Русская женщина, вышедшая замуж за мусульманина Елена Ефимовна Векилова, писала Толстому, что ее сыновья желают принять Ислам, и спрашивала совета, как быть.

Он отвечал: «Что касается до самого предпочтения магометанства православию..., я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата, единого Бога и Его Пророка, вместо того сложного и непонятного в богословии – Троицы, искупления, таинств, святых и их изображений и сложных богослужений...»

(Ясная Поляна, 15 марта 1909)

Написано прямо будто для нашего времени, не правда ли?

■ Источник:

Джаннат Сергей Маркус, «Лев Толстой и Ислам» – Islam-Info.ru, проверено 2 июля 2013 г. (архивная копия от 2 июля 2013 г.)
Edebi makalalar